

Алексей Аимин

Дуремары перестройки

Так все и было

Алексей Аимин

**Дуремары перестройки.
Так все и было**

«Издательские решения»

Аимин А.

Дуремары перестройки. Так все и было / А. Аимин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855012-6

На сленге российских спецслужб «дуремары перестройки» — это интеллигенты 80–90-х годов прошлого века, поверившие в перемены. Шумные, но не всегда умные, они были пешками в чужой игре. Ироничное повествование описывает отнюдь не веселые времена развала СССР в российской глубинке. Основана на реальных событиях и фарширована юмором, иронией и сарказмом.

ISBN 978-5-44-855012-6

© Аимин А.
© Издательские решения

Содержание

ДУРЕМАРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ	6
Предисловие	7
ЗНАКОМСТВО	8
Разведданные	9
Рекогносцировка	13
КУЛЬТПОХОД	16
Новая встреча	16
Зигзаги	18
В гостях у гениев	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дуремары перестройки Так все и было

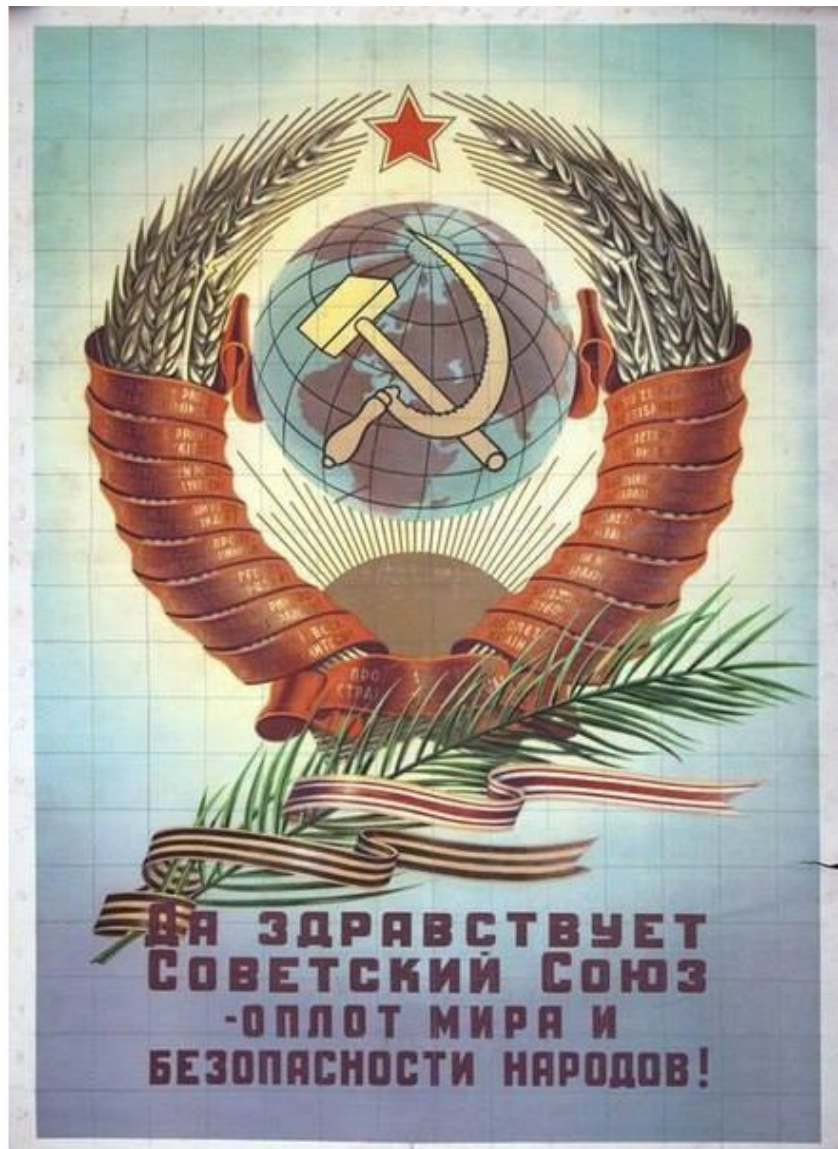
Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2018

ISBN 978-5-4485-5012-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДУРЕМАРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

ОН ЗДРАВСТВОВАЛ ДО 1991 ГОДА

Предисловие

Мне всегда хотелось написать о ком-то из достойных людей, найти, так сказать, героя нашего времени. Это всегда было модно – не я первый начал.

Но после долгих безуспешных поисков понял: *достойные люди из нашего захолустья исчезли.*

То ли вообще перевелись, то ли куда-то переехали.

Стал перебирать в памяти всех тех, кого встречал в своей жизни. Начал с уважаемых и по нынешним временам успешных. Получил весьма неожиданный результат: *тот ханука, тот ворюга, тот наглец а тот подлец.* В лучшем случае приспособленец.

Времена у нас не геройские, что ли?

Вот в телепередачах достойных людей каждый день показывают. Там они чаще всего и кучкуются.

Поделился как-то среди собратьев по перу невеселыми раздумьями. Мне говорят: напиши о президенте – оценят, похвалят, да и сразу станешь уважаемым.

Ну а чего я о нем могу написать-то?

Я ведь с ним за одним столом не сидел, в подъезде не курил, в карты в дурака не играл.

Вы скажете: а причем здесь это?

А все при том же! Ведь по тому, как человек держит рюмку, как он смачно курит и травит анекдоты, остается в дураках, и можно в полной мере оценить все достоинства и недостатки. А писать понаслышке... Там и без меня найдутся те, кто напишет.

Прогнуты даже те, кого и рядом никогда не было. Есть же такие художники, которые с фотографий портреты рисуют. А фото самое удачное и даже подретушированное выбирают. И вот у них не портрет, а икона получается.

Нет, это не мое.

К тому же мне хочется написать не просто о достойном человеке, а и о хорошем одновременно, а быть президентом и одновременно хорошим человеком весьма проблематично.

Во-первых, всем никогда не угодишь.

Во-вторых, некогда президенту быть хорошим; он же должен пахать, как раб на галерах. Видел я по телеку, как он на Конституции клялся народу служить до изнеможения.

Так что президента в сторону пока отодвинем, чтобы не мешал обозревать местный пейзаж.

Отодвинул.

Горизонт хоть и стал шире, но не помогло – ну нет героя моего романа!.. О себе писать вроде рановато, не дожил еще до маразма. Решил уже похоронить свою идею.

Но вдруг на моем горизонте появился человек. Не сказать, чтобы очень достойный или какого-то геройского вида, да и в хорошие люди его можно записать с некоторой оговоркой. ***Но не написать о нем было просто нельзя.***

ЗНАКОМСТВО

Первая наша встреча произошла в известной городской забегаловке с оригинальным названием «У Потапа». Говорят, там еще при царе был шинок, который сразу после революции прикрыли, но ненадолго.

Не раз закрывали это заведение и в советское время, но, словно Феникс из пепла, оно вновь и вновь возрождалось, хотя слегка меняло профиль.

В двадцатых это был рабочий буфет артели «*Красная стелька*», в тридцатых чайная, после войны рюмочная.

В шестидесятых рюмочную переименовали в закусочную, но это, кроме намека на необходимость закусывать, ничего не меняло.

Последний раз заведение прикрыли в восьмидесятых после указа Горбачева по борьбе с пьянством. Однако после провала кампании оно вновь воскресло, да еще под своим первоначальным названием. В городке такую живучесть отметили шуткой:

– *После Потопа встретимся «У Потапа».*

На стене висела картина неизвестного художника

Под нависшими сводами в воздухе висел букет из ароматов пива, копченой рыбы, табака и еще каких-то резких приятных запахов неизвестного происхождения. Ярким пятном выделялась картина неизвестного художника.

Взяв бутылочку «Мартовского», я подсел к столику, где уже сидел коренастый мужичок средних лет. На разговоры меня не тянуло, и поэтому я решил мероприятие не затягивать. Мужичок внимательно посмотрел на меня и перевел взгляд на бутылку:

– Предпочитаешь темное?

– Да, – односложно ответил я.

– А я светлое. – сообщил он и после небольшой паузы весьма доверительно добавил: – Светлое пиво вызывает у меня светлые мысли, а темное – темные.

Аналогия мне понравилась.

Тут он вздохнул и произнес:

– Надоела мне эта жизнь... но она мне нравится.

От такого мягкого парадокса интерес к соседу по столу у меня возрос, и я любопытствовал:

– И давно это у вас?

– С самого рождения.

Оставалось выяснить, что именно с самого рождения – надоела жизнь или же она ему нравится.

Но я решил не форсировать события и не уточнять. Тем более, что такая форма общения с элементами недосказанности мне импонировала. Видимо, его она тоже устраивала. Почему-то вспомнился Володя Ульянов и его знаменитая фраза – «Мы пойдем другим путем». Перед мужичком стояли четыре пустые бутылки из-под «Жигулевского» и меняя тему задал вопрос по этому поводу:

– Как идет, нормально?

Тут он выдал фразу, достойную, чтобы ее запомнить, а может и записать:

– В отличие от людей с большими желудками, я могу выпить столько же и со своим маленьким.

Позже я узнал, что начало фразы: «*в отличие от людей...*» – это фирменная самооценка моего собеседника. Так он противопоставлял себя обществу, когда с ним был совсем или не совсем согласен.

Вдруг мимо нас проплыло небрито-лохматое существо с заплывшими глазами и кружкой пива в волосатой руке. К привычному букету ароматов добавилось что-то невообразимое. После небольшой задержки дыхания мой визави философски осветил событие:

– Вот так всегда. Портит воздух один, а настроение портится у многих.

Это было произнесено спокойным, даже несколько менторским тоном. Но тут голос его чуть оживился и он представился:

– Василь!

– Алексей.

– Снетков! – гордо добавил он, – а ты, значит, Алекс...

– Можно и так.

Так состоялось мое знакомство с человеком, явно соответствующим призыву:

«Не проходите мимо!»

Разведданные

Что Василь личность яркая и незаурядная, я почувствовал сразу. Городишко у нас маленький, и разузнать о нем мне не составило большого труда. Информация оказалась весьма противоречивой, хотя после его высказываний этого следовало ожидать.

В наш городок Снетков приехал откуда-то после развода с женой – то ли с первой, то ли со второй. Снимал комнату и работал снабженцем на пищевом комбинате. Там у меня было много знакомых и при случае я решил узнать о нем побольше.

Случай не заставил себя ждать. На одном юбилее я встретился с Леонидом – начальником отдела снабжения этого комбината под чьим началом работал Василь.

Лишь только я произнес фамилию Снетков, лицо Леонида изменилось не только по форме, но и по цвету.

– Нам этот Снетков – вот где сидит! —

он резким жестом рубанул ниже подбородка

– От него у нас одни неприятности!

После такого яркого предисловия Леонид поведал мне несколько историй из бурной производственной деятельности предприятия. При этом дал весьма объемную характеристику «деловых качеств» Василя.

– Для испытаний образцов новой продукции нашей лаборатории нужен был препарат получаемый из крови кроликов, да не у нас а в Австралии. Требовалось на год всего-то пятьдесят граммов. А Снетков решил, что в заявке опечатка, ведь мы химикаты тоннами закупает, и переправил граммы на килограммы.

– Ну и что потом?

– А потом было то, что когда нам счет пришел – все за головы схватились: препарат-то по стоимости дороже золота оказался!

Левый глаз приятеля задергался от воспоминаний, как после этого ляпа они спасали комбинат от экономического краха. Леонид хлопнул рюмку и закусил огурцом.

– А вот еще. На днях в новый цех заказали в качестве спецодежды сто поварских комплектов: брюки, курточки и колпачки белые. Ну как на атомных станциях, видел?

Я кивнул.

– Так вот, он привез солдатское нательное белье с армейских складов – кальсоны с завязочками. Еще и хвастал, что на колпаки прапорщик десяток простыней бесплатно выделил. И за то, что он предприятию деньги сэкономил, ему премию надо выплатить!

Сейчас это раритет

Леонид нервно дернулся, потянулся к бутылке и залез локтем в салат. Тихо матюгнувшись, он продолжил:

– Вот так всегда. Как только вспомнишь этого гада, его наглую рожу – обязательно во что-нибудь вляпаешься.

А история с цементом?

Это же анекдот!

Я был весь во внимании, так как почувствовал именно в ней и будет раскрыт главный антагонизм к моему будущему герою.

– На нашего директора наехала санитарная комиссия за то, что у нас емкости предварительной очистки пропускают в грунт кислотные стоки. Вскрыли – бетон трещины дал.

Директор нам дает срочное задание: достать самый крепкий из существующих цементов.

Весь отдел ищет. На железобетонных заводах наивысшая марка – 500. Кто-то в метрострое надыбал аж марку 1200!

И тут Снетков заявляет, что он может достать цемент марки 20 000!

Естественно, ему никто не верит. И тогда он предлагает мне поспорить на бутылку коньяка, что такая марка имеется. Нам разбивают руки, и этот Вася или, как он сам себя величает, Василь, снимает трубку, набирает номер и спрашивает:

– У вас цемент марки 20 000 есть?

Ему отвечают:

– Есть.

Он победно смотрит на меня.

– А купить его можно?

– Можно. Сколько вам надо?

– Ну... тонны полторы.

На другом конце провода небольшое замешательство, а потом растерянный голос лепечет:

– Да у нас на весь Советский Союз столько идет...

Нет, ну ты понял? Это стоматологический цемент для пломбирования зубов оказался! И теперь он с этой бутылкой ко мне каждый день вяжется – спор ведь был о том, что такая марка все же существует.

Заколебал!

Через неделю я случайно услышал разговор о Снеткове в раздевалке городской бани. Говорили то ли профсоюзные, то ли партийные боссы местного пошиба. Потягивая пиво, пузатый, кривоногий мужичок с борцовской шеей, рассказывал о трудностях идеологической работы: – Главная причина, появившиеся в массах подозрительные личности... – и тут снова прозвучала фамилия Снетков.

Сначала я прослушал одну из известных мне историй, а далее последовала новая информация:

– В нагрузку к дефицитным насосам снабженец Снетков получил на базе Главснаба несколько аппаратов ИОО-3 душанбинского производства. А ведь вполне мог в качестве нагрузки взять что-нибудь попроще – лопаты или грабли, например.

Но Снетков утверждал, что эти аппараты просто архи необходимы нашему предприятию. Оказалось, что ИОО-3 – это не что иное, как аппараты для искусственного осеменения овец третьей модели!

В результате весь трудовой коллектив комбината, забыв про плановые показатели, неделю смаковал прелести искусственного осеменения.

Я прыснул, кривоногий с подозрением посмотрел на меня и продолжил:

– Нет, ну как тут можно работать, когда вредители вокруг! – эмоционально продолжил рассказчик, – люди три месяца не получая зарплату из последних сил продолжают выполнять производственный план, а он ходит и с серьезным видом успокаивает:

– Трудитесь ребята – Бог вам воздаст!

Кривоногий поперхнулся пивом и бурно закашлялся, кадык забегал зигзагом по его внушительной шее. Я понял, что и этому идеологическому «борцу» мой новый знакомый поперек горла стоит. Мне становилось все интереснее и интереснее.

Рекогносцировка

Чтобы лучше представить время и место действия, я должен сделать маленькое отступление.

Место действия – небольшой уездный городок рядом с северной столицей.

Время действия – начало 90-х годов XX века.

Тяжелые перестроечные годы переходили в не менее тяжелые времена реформ. Годы шли, а страна по ним буксовала. Трудно было всем, особенно руководителям всех мастей, впавших в ступор – от таких быстрых и внезапных перемен у одних мозги скрипели, а у других вообще скрипеть было нечему.

Силы и ресурсы страны были брошены на борьбу с пьянством. Народ яростно и довольно искусно сопротивлялся. Изнурительная борьба приводила к негативным результатам. Заводы и предприятия не выполняли планы и даже останавливались. Сам народ объяснял причину просто: *все кругом застыло потому, что весь народ стоит в очередях за водкой.*

Водку давали по талонам – две бутылки на месяц. Но главная пакость состояла в том, что, талоны действовали лишь в течение указанного на них срока. Потому в начале месяца на предприятиях резко увеличивалось количество прогульщиков. Отпрашивались по личным делам: хворали родственники, ломалась сантехника...

Шустрые бабки шныряли по городу, производя сложные обмены: талоны на водку – на талоны на сахар, талоны на мыло – талоны на водку. Все это напоминало времена карточной системы конца сороковых, которые эти бабули еще помнили.

В магазинах, кроме пустых прилавков, грязи в углах, тощих котов и скучающих продавцов ничего не было. Если кому что и перепало, то только тем, кто вставал с петухами и попадал в первую десятку. Именно тогда народ предложил переименовать авоську в нехераську. Зато вдоль магазинов с затравленными взглядами стояли люди, продававшие все подряд – от носков и пустых трехлитровых банок до шуб, отдающих нафталином.

Торговые ряды центральных улиц города

Озадачивали отдельные индивидуумы, сидевшие на ступеньках магазинов с рукотворными табличками из картона, на которых фломастером было выведено: «Куплю \$».

Именно тогда появились определения денежных знаков «зеленые» и «деревянные». Все это напоминало времена НЭПа, которые мы знали только по фильмам.

Предприятия мучили взаимные неплатежи. Деньги гуляли неизвестно где. Чтобы как-то выжить и рассчитаться с рабочими, руководители стали заниматься бартером: вы нам металл – мы вам колбасу, вы нам масло – мы вам уголь. А это уже напоминало эпоху натурального обмена из очень далеких времен, которые мы изучали по учебнику «История древнего мира».

Вот в такой исторической круговерти ошарашенные коммунисты-чиновники четвертого или пятого призыва пытались перестроить недостроенное. Выделялись те, кто под эти призывы бросили остатки сил на то, чтобы куснуть, отрубить или отхватить от общего пирога.

Как потом выяснилось, сил им хватило на многое.

Простые люди роптали, но все еще не верили, что это уже финал. Никому не хотелось признавать себя дураками, ведь призрак коммунизма уже так истощал, что больше походил на призрак голода.

Спасали до конца не порванные связи с землей: люди бросились возделывать те шесть соток, что им были выделены на окраинах. А самые предприимчивые граждане заводили на своих лоджиях и балконах кроликов, кур и даже поросят.

Народ не жил, а выживал.

Вечерами смотрели телевизор. Депутаты Верховного Совета поливали друг друга словесными помоями. Начали критиковать и власть: «Сколько можно смотреть на этих преступников? Надо бы уже им что-то и сказать!»

Я тоже думал по этому поводу думал и если бы меня пустили на трибуну я бы точно высказался:

*Во мне патриотизма килограммы,
И этих килограммов не чуть-чуть.*

*Имею многотонную программу,
Что давит,
давит
голову и грудь.*

*Как в этом мире все несовершенно!
В какой-то жиже плещется страна,
Исправить срочно надо, непременно,
Иначе все!
– Иначе нам хана!*

*Разброд в умах, как будто все в разводе,
Одни шатания кругом
– туда-сюда,
Единства нет в моем родном народе
И это наша главная беда.*

*Нужна единовластная идея,
Единый стяг – не скопище знамен,
И я ее давно в душе лелею,
И выставляю вам ее на кон.*

*И это надо делать очень срочно:
Одновременно бросить воровать!
И все само решиться – это точно,
И сразу станет всем всего хватать!*

Страна, которую все еще называли Советским Союзом, двигалась к развалу. А демократия на западных рубежах подкрадывалась все ближе и ближе. Прибалтийские республики, как и страны бывшего соцлагеря, самоопределялись.

В народе грустно шутили: *наш лагерь становится все меньше и меньше*. Вслед за берлинской стеной стал быстро разрушаться пресловутый «железный занавес». Советские люди стали узнавать ужасающие вещи из нашей новой истории.

Поток информации рухнул на голову рядового обывателя. Политические дебаты, суровая изнанка жизни, вывернутая молодыми репортерами, и томная игра актеров бразильских и мексиканских сериалов сглаживали общую неудовлетворенность. Задача СМИ того времени – отвлекать народ от политики. Хлеба было мало – зрелищ полно, но «хлеба» становилось все меньше и меньше... Общая неразбериха коснулась и нашего городка. Но все было довольно тихо.

Выдающихся людей в нашем городке не было. А у не выдающихся, мнения никто не спрашивал. Поэтому людям приходилось брать все, что было можно снять сверху, и выкапывать то, что еще осталось внизу. Выкапывали картошку с совхозных полей, а сверху снимали электрические провода, сдавая их в пункты приема цветного лома.

Короче, даже в нашем захолустье скуки уже и в помине не было.

КУЛЬТПОХОД

Наш городок уже два века стоял на большой дороге и имел дореволюционную характеристику – сорок кабаков и одна церковь.

За семь десятилетий строительства социализма внешне он изменился, но дух придорожного города в нем проживал. Число кабаков значительно уменьшилось, но народ приспособился – не менять же обычаи в угоду временщикам от политики. С местами проведения «культурного досуга» в городе проблем не было.

В хорошую погоду с походным набором: пузырь, стакан и закусон – народ перемещался в затененные дворики, на пляжики у реки, а по вечерам и на детские площадки.

В зимнее время ютились на тесных кухнях, где проходили обсуждения политических и местных проблем. Последние касались особо тонких технологий производства и переработки продукции.

Жены, заглядывая на кухню, поражались специфическим терминам, звучавшим в горячих дебатах: сорбенты, присадки, гидролиз.

Дело в том, что в городке было несколько высокотехнологичных предприятий. Поэтому кустарное производство убивающего скуку зелья здесь было не в чести. Зачем разводить эту мороку, если на родном предприятии можно разжиться спиртом или содержащими спирт растворами. Любимой присказкой горожан было:

H₂O девиз не наш.

Наш – C₂H₅OH!

В городе уважали специалистов с химическим уклоном, способных определить по оттенкам степень опасности раствора. Особенно был известен лаборант пищекомбината Миша по прозвищу ОТК. На импортном оборудовании он мог очистить любую спиртосодержащую смесь. За простую очистку Миша брал пятую часть исходного материала, за сложную – треть. Качество было гарантировано, ведь пробу Миша всегда снимал сам.

Но, как говорится, в семье не без урода. И были, были люди, которым такое культурное общение было совсем не в радость. На роль урода претендовала местная интеллигенция. Свой досуг они пытались разнообразить как могли. Два-три раза в году в городской Дом культуры заезжали артисты среднего пошиба. Два раза в году в выставочном зале проводились выставки местных художников и скульпторов.

Вот на такую выставку я погожим осенним днем и отправился. Там и состоялась очередная встреча с нашим героем.

Новая встреча

Поднявшись на второй этаж, в лекционный зал общества «Знание», я увидел расставленные стенды и пару притаившихся скульптур в углах.

Застывшую экспозицию оживляли несколько вяло передвигавшихся посетителей, явно убивавших здесь время. Один из посетителей явно выделялся, так как вел себя странновато. Он резко переходил от одной картины к другой, застыл, делал какие-то несуразные движения, из которых самым понятным было почесывание в затылке, что-то бормотал и переходил к следующему стенду.

В этом посетителе я сразу узнал Снеткова. Подойдя ближе, встал за его спиной. Почувствовав это, он мельком взглянул в мою сторону, но, видимо, не узнал. Я вежливо поздоровался, на что он кивнул и продолжил изучение «шедевра» местного живописца.

На картине был изображен зимний пейзаж с двумя невзрачными кустиками на фоне безбрежной белой равнины. Видимо, у художника белая краска имела в избытке и он размашисто измазал ею кусок холста размером метр на метр.

Следующим был тусклый невзрачный пейзаж, но уже в сероватых тонах, видимо живописцу удалось разжиться черной краской, которую подмешал в белую.

– Свежо... – негромко произнес Снетков, – даже очень свежо.

– Да чего же здесь свежего? Грязь одна, – возразил я.

– Да нет, судя по дате написания – очень свежо...

Действительно, дата указывала на то, что картина была завершена за день до открытия выставки. Пейзажист явно был нацелен на количество работ и определение «выдающийся» относил к тем творцам, кто выдал на гора больше работ.

Мы прошли к полотнам следующего автора, представившего любителям изящных искусств галерею портретов наших современников. Сверху шла надпись «Гимн трудовому человеку». Это были сплошь герои труда, которые своим слегка озверевшим видом показывали, что выполнить пятилетний план в четыре года для них семечки. Вспомнился плакат висевший у моей бабушки в глухой деревне с радостными лицами доярок. Здесь радостных лиц я не заметил.

Завершал экспозицию автопортрет художника.

– Не сомневаюсь, что кто-то в его в роду был гениальным, – заключил Снетков, взгляды ваясь в лицо художника

– Одно жаль, что он унаследовал от даровитого предка лишь высокий лоб.

– Где написано, за ним ничего нет – добавил я.

Снетков резко повернулся и внимательно посмотрел на меня:

– Мы, кажется, с вами где-то встречались?

– Алекс, – подсказал я, вспомнив, что именно так он окрестил меня во время первой встречи.

– Да-да, припоминаю...

Василь протянул мне руку.

– Рад тебя видеть, дружище!

Настроение мое улучшилось, у него, я понял, тоже. Мы уже не так внимательно смотрели на полотна, переключившись на обсуждение темы выставки «Роль живописцев в осуществлении перестройки».

Завершали экспозицию авангардные картины с элементами абстракции. Среди однотипной мазни наше внимание привлекло живописное полотно. На фоне полуобнаженных женщин было изображено старое морщинистое лицо. Под картиной надпись: «Казанова». Снетков отступив на полшага, заключил:

– Судя по его морщинам, пахал он много и глубоко.

– А судя по нашим гладким мордам, мы сачки, что ли? – мы оба рассмеялись.

Зигзаги

На улице уже совсем распогодилось. Настроение на подъеме, здоровье не тревожило, мысли хорошие и только планов никаких. В выходные я любил плыть по течению и наслаждался свободой. Всегда считал, что для проявления активности вполне хватает рабочих дней с их распорядком. Видимо, почувствовав мое настроение, Снетков отреагировал заявлением:

– В отличие от людей, которые тяжело переносят выходные, я тяжело переношу и будни. Ну что, продолжим?

Меня даже обрадовала возможность провести остаток дня в таком обществе. Я кивнул в знак согласия.

– Предлагаю навестить местный андеграунд в лице Степы Пчелкина. Он живет здесь, за углом.

Я молча пошел рядом. Но пройдя десяток шагов Снетков внезапно остановился и глубокомысленно заключил:

– Но идти к нему с пустыми руками – это же несерьезно, нас могут не так понять. Слушай, у меня талоны на водку уже тью-тью. Что делать-то будем?

У меня, как ни странно, они были не отоварены. Достав из потаенного карманчика стопочку разноцветных бумажек, я вытянул оттуда желтенький с надписью «Октябрь 1 литр»:

– Хватит?

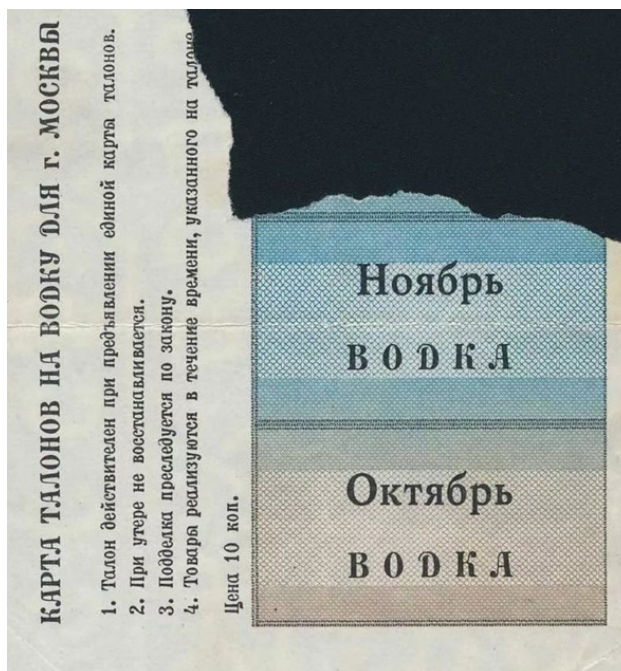
– Вполне! – Василь смачно потер руки – один вопрос снят. Второй тоже непростой – финансы.

Так уж оказалось, что и денег Снетков с собой не захватил, логично пояснив – задумка родилась спонтанно и стала следствием нашей неожиданной встречи.

– Давай так, – предложил он, – сегодня я приглашаю, а ты угощаешь, а в следующий раз ты приглашаешь, а там разберемся.

Мне вспомнились сразу два мультфильма: о Карлсоне и Винни-Пухе.

– Ладно, – согласился я, поняв, что сие мероприятие полностью пройдет за мой счет.

Остатки былой роскоши

Снетков видно прочитал мои мысли. Чтобы снять некоторую напряженность момента, он проводил взглядом проходивших мимо двух девушек и толкнул меня в бок:

– *Если бы мне дали выбрать, прожить жизнь старым дураком или молодым придурком, я бы выбрал второе.*

Далее все шло по привычному сценарию. Мы прошли два квартала, свернули с Коммунистической улицы в Советский переулок, где в тупике, упирающемся в железнодорожное полотно, находился водочный магазин.

– Идем от светлого будущего к светлому прошлому, – начал Снетков – пьянство пережиток прошлого, и если бы в городе был Капиталистический переулок, то водочный магазин, несомненно, находился там.

К «пережитку прошлого» стекался народ со всей округи. Это были самые несознательные элементы нашего городка, не принимающие заботы партии и правительства об их физическом и духовном здоровье.

- Часа на полтора, – определил я по очереди, уходящей далеко за угол.
- Прорвемся, – успокоил Снетков. – Наши люди – они есть везде.

Для начала мы все-таки встали в хвост и, дождавшись несознательных элементов вставших за нами, пошли искать более короткий путь.

Дверь одноэтажного кирпичного магазинчика была закрыта. Выдача продукции осуществлялась через маленькое окошечко, похожее на бойницу. Туда и просовывались талоны с деньгами, в обратном порядке выдавался вожденный продукт. У самой бойницы бушевала толпа. Выбраться от окошечка было не проще, чем до него добраться. Никто из жаждущих не хотел быть вытолкнутым вместе со счастливицами, и потому стояли непреодолимой стеной.

Через каждые пять минут происходило колебание в голове очереди – это атаковала «дружина» из пяти-шести крепких и разогретых мужиков. Набрал заказы от тех, кому было совсем

невтерпеж, они выстраивались клином и как немецкие рыцари на Чудском озере и таранили толпу, выкидывая из очереди выступавших за порядок и честность.

Небольшую конкуренцию «боевой свинье» составлял тшедушный грузчик по кличке Шкет из соседнего ларька по приемке стеклотары. Тактика у него была совершенно противоположной. Шкет брал за небольшую мзду одиночные заказы, опускался на четвереньки и через минуту выползал у раздаточного окна. Его потрепанное пальтишко было все в следах от обуви, но он не обращал на это внимания. Пинки он переносил стойко – да разве это пинки – в толпе особо не размахнешься.

Народ возмущался такими вылазками. Особенно выступал какой-то благообразный старичок, которого уже раза четыре выкидывали из очереди. Он взывал к благоразумию, цитировал классиков марксизма вперемешку с заповедями из Ветхого завета.

– Приятный старикан, – отметил Снетков – такие старички обычно получают из хороших культурных мальчиков. Ну что, знакомых нет?

Окинув взглядом передние ряды, я отрицательно покачал головой.

– Зато у меня есть, – бодро заявил Василь и неожиданно направился к железнодорожной насыпи. Там со стороны вокзала несколько человек в оранжевых жилетах толкали тележку с промасленными шпалами.

Через пару минут к заветному окошку не спеша направился перепачканный мазутом и еще неизвестно чем верзила. Впереди метров на пять от него бил по носам запах пота и креозота.

– Граждане! – громовым басом произнес он – Вот, вы здесь культурно отдыхаете, а у нас работа без смазки стопорится. Ну-ка, посторонись, а то и запачкать могу.

Как по мановению волшебной палочки, в толпе образовался коридор, и верзила свободно отоварился. Вопросов и замечаний со стороны очереди не возникло. «Боевая свинья», наблюдавшая эту картину со стороны, с завистью проводила великана взглядом.

– Гегемон! Такому разве откажешь? – негромко констатировал появившийся Снетков – Пошли! – это уже звучало как приказ.

Через пару минут он меня знакомил с верзилой.

– Ванятка – мой бывший кореш. Мы и теперь дружбу водим, вот только он пить бросил, говорит больно опасно.

Однажды на спор перед ноябрьскими праздниками на центральной площади взял да и перевернул трибуну. А потом еще двух появившихся милиционеров с места на место переставил. Так ему чуть участие в государственном перевороте не припаяли.

Ванятка стоял и добродушно улыбался двумя щербинами, одной сверху, другой снизу.

– Ну ладно, спасибо друже, – поблагодарил Снетков, забирая чуть испачканные поллитровки.

– Ох, Ванятка, страна итак план по стали не выполняет, а тебе еще коронки надо вставлять. Где ж мы ее теперь наберемся?

Верзила хмыкнул и направился догонять своих. Снетков посмотрел ему вслед и глубокомысленно изрек:

– Бог сам порой не знает, на что он способен.

Теперь мы пошли вдоль железки в обратном направлении. Я был ведомым и потому шел на полшага сзади.

– Блестяще! – сказал я, мысленно возвращаясь к предыдущему эпизоду.

Снетков был доволен произведенным впечатлением:

– Голь на выдумки хитра, а особенно с утра!

– Сам придумал?

Снетков слегка замялся:

– Может сам, может народ. Вот так возьмешь и чуть подправишь услышанное. И чье теперь это? Твое? Народное? А чтоб никому не обидно было, надо из народа не выходить, а в нем оставаться. Вот и получится: если ты народ, а слова народные – значит, они твои.

Свернули направо, и на нашем пути возник магазин, прилепленный к кирпичной пятиэтажке. Вывески на нем не было. Да и зачем, через огромные витрины и без нее хорошо видно, стоит туда заходить или нет. В городе его называли по-разному: стекляшка, аквариум, иногда бородавка.

Тогда это был шикарный закусон

– Надо и на зубок что-то взять, – рассудил Снетков.

У одного из отделов глухо ворчала очередь. Давали талонное сливочное масло по 400 граммов на лицо с талоном. Продавщица огрызалась от замечаний на недовес.

– Во, – обрадовался Снетков, – то, что надо! – он указал кивком в сторону рыбного отдела. Половину прилавка-холодильника занимали трехлитровые банки с зелеными помидорами, вторую – выложенные в форме пирамиды баночки с килькой.

– Слушай, – кивнул на помидоры Василь, – как ты думаешь, чего они их зелеными закатывают?

Я пожал плечами:

– Может, созреть не успевают?

– Слаб ты, Алекс, в экономике. Тут ведь безотходное производство. По таким «ягодкам» и в сапогах можно ходить – им ничего не сделается. А в нормах списания при транспортировке и обработке про цвет ничего не сказано.

Кому-то очень удобно жить в этой стране вечнозеленых помидоров!

Мы взяли две банки кильки, половинку хлеба и подошли к молочному отделу. Недружелюбные старушки, жаждущие намазать булочку маслом, на нашу просьбу отпустить штучный товар без очереди громко забубнили:

– Им бы только рожи залить!

– Не рожи, а морды!

Спор по части наших «удостоверений личности» мог разгореться не шуточный, но в отличие от бабок, продавщица отнеслась к нам лояльно. По ее виду явно было видно: бабки ее достали, а мужиков она любит.

Отоварились тремя плавлеными сырками. Сырки были явно не первой свежести, чуть затвердевшие, и назывались «Дружба». В этом я увидел знак свыше: именно такой твердой и долговечной должна быть наша дружба.

Тут в магазин вошла блондинка в спортивном костюме с буквой «Д» на груди. Ее появление не осталось незамеченным – яркая, эффектная. Даже у мужиков с ослабленным зрением на таких взгляды останавливаются, а у меня со зрением тьфу-тьфу-тьфу... Я тронул Снеткова за локоть:

– Вот какие кадры у нас за «Динамо» выступают! Прямо как на картине Самохвалова.

Девушка с ядром. Худ. Самохвалов

Василь, скосив глаза, улыбнулся:

– Когда я года два назад к ней клеился, она тоже в такой куртке ходила. И знаешь, что она мне сказала? Что буква «Д» означает девушка.

– И что еще до сих пор?..

– Не думаю, – рассовывая сырки по карманам, ответил Снетков, – скорее всего, теперь это «Д» означает дама. Или еще короче – дам.

– Циник!

Снетков улыбался. При выходе из магазина мы еще раз взглянули на блондинку, унося хоть какое-то приятное впечатление от этого заведения.

Все больше появлялось ощущение праздника, и я чувствовал, что этот праздник продлится долго.

По пути Снетков успел просветить меня относительно хозяина однокомнатной квартиры, куда мы направлялись. Степа Пчелкин по его словам, был незаурядной личностью, талантливым журналистом, загнанный жлобами с партийными билетами. И семейная жизнь у Степы не сложилась. Снетков объяснил это с присущим для него шармом:

– *Красивых женщин видел он немало – но больше все же Родину любил!*

На скромную холостяцкую жизнь Степа подрабатывал статьями в местной газете, а по ночам сторожил.

– Очень болезненно воспринимает страдания народа – заключил свой рассказ Снетков – у него постоянно болит душа, – но не настолько, чтобы его можно было записать в душевнобольные...

На мое замечание по поводу того, что без предупреждения ходить в гости не очень удобно, Василь меня известил:

– *В отличие от людей, которые живут ожиданием приглашения, я всегда прихожу в гости неожиданно!*

В гостях у гениев

Двор серогокирпичного четырехэтажного дома показался мне тесным и мрачным. Дом постройки начала 60-х годов был окружен покосившимися сараями.

Несколько оживляли этот урбанистический пейзаж густые заросли сирени и пара желтеющих березок. Две ветхих бабульки у подъезда рассказывали друг другу региональные новости: что им приснилось, с какой ноги они встали, что поели и что у них сегодня болит. При нашем появлении они сразу примолкли и проводили нас до дверей подозрительными взглядами – мало ли воров да насильников кругом, пусть даже похожих на приличных людей. Вчера точно таких в передаче «600 секунд» показывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.